

УДК 94(47)

ПОЛЯКИ – ЗАКЛЮЧЕННЫЕ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ В 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии)

П. А. Мистрюгов

Мистрюгов Павел Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, pavel892006@yandex.ru

В статье рассмотрено участие поляков в поддержке КОМУЧа и чрезвычайные меры советской власти после освобождения Самары осенью 1918 г. Показаны мотивы заключения поляков на основе ранее неисследованных документов из местных архивохранилищ. Особое внимание уделено офицерам Польской армии в советском плену – выявлены поименные списки военнопленных и заключенных поляков в местных пенитенциарных структурах советской власти, показаны условия их содержания и численность.

Ключевые слова: военнопленные поляки, ГубЧК, Польско-советская война.

The Poles – Convicts and Pows in 1918–1921 (Based on the Archives of Samara Region)

P. A. Mistryugov

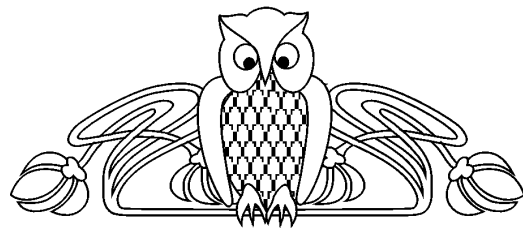
Pavel A. Mistryugov, ORCID 0000-0002-7996-1466, Samara State Medical University, 89, Chapayevskaya Str., Samara, 443099, Russia, pavel892006@yandex.ru

The article is concerned with the role played by the Poles in lending support to the Committee of the Constituent Assembly members (KOMUCH) and the extraordinary measures taken by the Soviet power after the liberation of Samara in the autumn of 1918. The reasons for their imprisonment are revealed on the basis of the formerly unknown and uninvestigated materials from regional archives. Special attention is paid to the officers of the Polish army taken prisoner; the roles of the servicemen taken prisoner and the nominal lists of the Polish citizens imprisoned in the penitentiary institutions of the Soviet power are brought out, their number is established and the conditions of confinement described.

Key words: prisoners of war, Regional Extraordinary Committee, Polish-Soviet war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-530-534

В истории российского революционного движения и Гражданской войны проблема участия национальных групп в глобальных общественных трансформациях как на стороне советской власти и РКП (б), так и выступления против них исследована в меньшей степени и имеет свою специфику. В советское время разработка вопросов о степени вовлеченности и роли поляков в революционных событиях и гражданской войне была освещена однобоко. В трудах рассматривались преимущественно аспекты создания боевой

деятельности частей интернационалистов на стороне советской власти¹. На современном этапе спектр изучаемых проблем и источниковедческая база исследований существенно расширились. Параллельно исследованию вопросов заключения военнопленных поляков в РСФСР анализируются дискуссионные проблемы пребывания красноармейцев в польском плену. Так, Г. Ф. Матвеев пишет, что «окончание Первой мировой войны не принесло мира бывшим национальным окраинам России, Германии и Австро-Венгрии»², а война Польши с Советскими республиками сопровождалась огромными разрушениями и болезненными людскими потерями. Потери, понесенные Красной армией, до сих пор не установлены. Все это, по мнению исследователя, требует изучения в целях восстановления исторической памяти. Таким образом, разработка данной темы приобрела значение гражданского долга перед участниками тех трагических событий и их потомками, с одной стороны, и отражает подход к войне как социогуманитарному пространству, с другой. В исследованиях и документальных сборниках выявляются вопросы численности, мотивов, условий пребывания поляков в РСФСР и их репатриации³. Фрагментарные сведения о чрезвычайных мерах советской власти, принимаемых в период Советско-польской войны против лиц польской национальности, представлены в региональных работах по истории местных органов ВЧК⁴.

Некоторые аспекты истории Российской Полонии после революции 1917 года – мотивы и меры наказания поляков, применявшиеся региональными органами советской власти и управления, характер их взаимодействия с местным сообществом исследованы фрагментарно. Анализ историографии данной темы говорит о том, что обращение к проблеме польских заключенных и военнопленных местных исправительно-трудовых домов и концентрационных лагерей советской власти вполне обосновано. Изучение данной проблемы значимо как для рассмотрения принципов чрезвычайной политики советской власти, так и для реконструкции биографических свидетельств участников революционного передела и гражданского противостояния. Этому способствует и то, что местные архивохранилища содержат множество документов периода Гражданской войны по данной проблематике, однако они рассеяны в огромном массиве делопроизводственной документации советских властно-управленческих, следственно-судебных и чрезвычайных структур.

В годы Гражданской войны Поволжье стало регионом военно-политического противостояния и ожесточенной социально-политической борьбы. В крестьянской и рабочей среде происходили протесты. Функционировали альтернативные советской власти и РКП (б) временные социально-политические режимы. Самарская губерния оказалась фронтовой, а затем – прифронтовой зоной, что усиливало напряжение между властью и обществом. В этом историческом водовороте поляки принимали участие как на стороне власти, так и выступали против нее или же попросту становились невольными заложниками экстремальных событий и наряду со всеми гражданами подвергались повседневному испытанию военно-революционного времени. Нередко поляки попадали в поле деятельности чрезвычайных структур советской власти.

В период восстановления советской власти осенью 1918 г. происходил поиск сторонников КОМУЧа. Местные органы ВЧК проводили репрессивные мероприятия. Самарская губернская тюрьма была переполнена пересыльными, подследственными и заключенными. Среди различных категорий арестованных были поляки. Так, одни служили в Народной армии КОМУЧа, а после его свержения осенью 1918 г. советская власть провела их арест. Например, в списке оказались Рудольф Летер (приговор вынесен 8 октября 1918 г.) и Иван Новак (приговор вынесен 9 октября 1918 г.), они обвинялись в «службе в Народной армии». В декабре 1918 г. в уездных пенитенциарных учреждениях г. Бузулука числился гражданин г. Кракова В. А. Самшабек⁵. В общем количестве заключенных доля поляков была незначительной.

В конце 1918 г. высшая мера наказания по приговору Бузулукской ЧК была применена к Ю. Любимской. В списке расстрелянных Ю. Любимская значилась как дворянка, окончившая Высшие женские курсы, по роду занятий была корректором, по национальности записана как полька. Мотив расстрела состоял в том, что она – правая эсерка, занималась «подпольной работой», уличалась в активных выступлениях против советской власти (в каких конкретно не указывалось) и массовых оскорблениях советских работников. Наконец, Любимская выдавала красноармейцев, которых после расстреляли казаки⁶. В решении приводились примеры оскорблений советских работников («сволочи», «грабители») – натурализм в приговорах революционной поры часто соседствовал с идеологизированной фразеологией.

Участие поляков в военно-политическом противоборстве не сводилось только к антисоветской деятельности. К примеру, в январе 1919 г. в местной газете «Коммуна» сообщалось, что на Уфимском фронте казаками был разоружен отряд польского легиона числом 700 солдат «за желание перейти на сторону советских войск»⁷. Их мотивы были подвержены воздействию социально-политической конъюнктуры.

В 1920 г. в исправительно-трудовые учреждения Самарской губернии поступали военнопленные поляки. Правила содержания их в местном лагере были подробно регламентированы и касались как принципов размещения, так и проведения в их среде агитационной и культурно-просветительной работы. На местах руководствовались положениями секретного циркуляра НКВД от 28 июня 1920 г., адресованного коменданту Самарского лагеря. Согласно ему военнопленные офицеры должны быть изолированы от совместного нахождения с рядовыми солдатами; военнопленные рядовые солдаты должны быть сконцентрированы в специально отведенных для них лагерях. Примечание циркуляра гласило, что при отсутствии специальных лагерей офицеры помещаются в особо отведенных для них корпусах. Отдельно оговаривалось, что военнопленные поляки, прибывшие из Сибири, должны быть изолированы от военнопленных, поступавших с Западного фронта. Центр считал, что при поддержке местного отдела народного образования и организаций РКП (б) следовало обратить серьезное внимание на «рациональную постановку агитационной и культурно-просветительской работы»⁸. Тем самым на местном уровне предписания центрального руководства определяли условия содержания военнопленных.

Однако в практике содержания военнопленных в местных лагерях имелись нарушения установленных условий. При проверках они выявлялись и подлежали исправлению. Так, 1 августа 1920 г. местные власти получили предупреждение об участившихся случаях нарушения прав военнопленных поляков, доходящих до грубейших форм, и приказ о пресечении практики подобного рода⁹. Спустя неделю в записке коменданта лагеря Белоусова от 8 августа в ГубЧК значилось, что согласно принятой телеграмме ВЧК были приняты меры (приказ по лагерю № 33) и 3 сентября данная телеграмма была передана коменданту местного концентрационного лагеря для сведения и исполнения¹⁰.

В августе – сентябре 1920 г. Польский отдел ПУРА выявлял лагерь по всей стране и количество содержащихся в них военнопленных. Согласно данным сводок в августе – декабре 1920 г. в Самарском лагере для организации культурно-просветительных мероприятий отсутствовали помещения и специальная литература. Кроме созданной библиотеки заключенные могли посещать клуб и занимались «объяснительным чтением» газет. Такие формы культурно-идеологической работы, как школы грамоты (обучение польскому языку и арифметики) и митинги, лекции (в основе курса лежала «Азбука коммунизма» Н. А. Бухарина и Е. А. Преображенского) и беседы не проводились. В декабре 1920 г. для устранения этих недостатков политинструктор был снабжен литературой. Во время эпидемии тифа и запрета лагерной администрации на культурные занятия военноплен-

ные какое-то время не могли посещать местную школу при Польском рабочем клубе. Между тем, как отмечалось в документах, местный Польский рабочий клуб стал центром митингов и спектаклей для военнопленных¹¹. Таким образом, в Самаре происходило взаимодействие польской диаспоры с военнопленными.

К началу 1920-х гг. в Самарской губернии сложилась структура домов принудительных работ на губернском и уездном уровне и действовал концентрационный лагерь, которые и стали временным местом заключения для поляков. На первом этапе центральные власти не имели ясной картины о числе военнопленных и созданных местных лагерях. В октябре 1920 г. на основе информационного исследования ПУРА было установлено, что в Самарской губернии имелся лагерь на 100 человек¹². В конце 1920 г. центр также выявил, что военнопленные поляки составляли меньшинство личного состава Самарского лагеря. Из 742 заключенных только 100 были польскими

военнопленными¹³. В сравнении с аналогичными лагерями в Центральной России, на Украине и сибирском регионе Самарский лагерь относился к одному из малочисленных.

На основе выявленных архивных данных, содержащихся в документации учетного назначения, в Самаре в 1920–1921 гг. в концентрационном лагере содержались польские военнопленные офицеры (табл. 1). Указанные в списке места военной службы польских офицеров – Новогрудский, Слуцкий и Минский полки – позволяют заключить, что поляки были взяты в плен на белорусском направлении в ходе контрнаступления Красной армии весной – летом 1920 г. По числу их было 27 офицеров, по воинскому рангу – 22 подпоручика, 3 поручика и 2 капитана. Воинскую службу несли в пехотных и саперных частях. В госпиталях на излечении находились 8 человек, 1 из которых умер.

Польские военнопленные, пребывавшие в лагере, имели возможность получать помощь от

Таблица 1

Поименный список польских военнопленных в Самарском концентрационном лагере¹⁴

ФИО	Воинский чин	Воинская часть	Примечания
Корицкий Станислав	Подпоручик	10-й пехотный полк	2-й эпидемический
Люстиг Вильгельм	Подпоручик	46-й пехотный полк	В селе Богатые
Микуцкий Станислав	Подпоручик	10-й пехотный полк	246 госпиталь
Мрус Владислав	Подпоручик	15-й пехотный полк	325 госпиталь
Павлович Сигизмунд	Капитан	46-й пехотный полк	
Гурецкий Фаддей	Подпоручик	Новогрудский полк	234 госпиталь
Фабигикевич Генрих	Подпоручик	29-й пехотный полк	Приемник № 2
Сукневич Николай	Подпоручик	7-й пехотный полк	Приемник № 2
Шнук Казимир	Поручик	31-й пехотный полк	
Новруцкий Владислав	Подпоручик	159-й пехотный полк	
Козловский Болислав	Подпоручик	Слуцкий пехотный полк	
Кокогико Иосиф	Подпоручик	Новогрудский пехотный полк	
Костеркевич Михаил	Подпоручик		108 госпиталь
Подвапинский Юзеф	Подпоручик	16 пехотный полк	224 госпиталь
Груцельский Станислав	Подпоручик	30 пехотный полк	Приемник № 1
Галицер Сигизмунд	Поручик	16 пехотный полк	108 госпиталь
Беньковский Тадеуш	Подпоручик	15 пехотный полк	246 госпиталь
Выржиковский Здишас	Подпоручик	Слуцкий пехотный полк	Приемник № 1
Гловачевский Валерьян	Капитан	38-й пехотный полк	224 госпиталь. Умер
Герасимьяк Александр	Подпоручик	47-й пехотный полк	Приемник № 2
Брожек Франц	Поручик	13-й пехотный полк	Приемник № 1
Витковский Леопольд	Подпоручик	31-й пехотный полк	Приемник № 2
Глива Юзеф	Подпоручик	16-й пехотный полк	Приемник № 1
Скшийковский Петр	Подпоручик	17-й пехотный полк	Приемник № 2
Щесняк Ян	Подпоручик	Минский пехотный полк	Приемник № 2
Филиппович Болеслав	Подпоручик	1-й саперный полк	
Цишевский Людвиг	Подпоручик	1-й саперный полк	Офицер русского флота, «польско-подданный», в польской армии не состоял

представителей Красного Креста. Нормативным документом, регулирующим их работу, стало принятое 27 января 1921 г. к исполнению постановление от 19 января 1921 г. о допуске к военнопленным уполномоченных Польского общества Красного Креста. Согласно ему уполномоченный Польского общества Красного Креста предложил направить во все лагеря своих представителей. Советская сторона разработала принципы их работы, зафиксировав в данном постановлении. Так, сотрудники уполномоченного Польского Красного Креста допускались в лагеря военнопленных при предъявлении пропуска, полученного в ВЧК и завизированного в Главном управлении общественных работ и повинностей; при посещении лагеря необходимо сопровождение их политинструкторами и комендантом или его заместителем; сотрудники Красного Креста обладали правом оказания помощи только натурой или деньгами, никакие другие полномочия им не присвоены; администрация лагеря должна оказывать возможное содействие в облегчении их работы путем предоставления сведений о количестве и степени нуждаемости; эти сведения должны быть предварительно собраны через контрольно-хозяйственные комиссии; объявлять военнопленным, что им разрешено вести корреспонденцию с Родиной, но письма не запечатывать и передавать через политотдел ПУРА¹⁵. В местных архивах не сохранились документы о проведенных обследованиях сотрудниками Польского Красного Креста концентрационных лагерей Самарской губернии.

В конце 1920 г. местные власти занимались размещением польских военнопленных в местных пенитенциарных учреждениях. 29 декабря 1920 г. согласно отношению Главного управления общественных работ от 22 декабря коменданту лагеря предлагалось вместе с ГубЧК немедленно изолировать пленных польских офицеров и ксендза от остальных военнопленных¹⁶. 30 декабря в ГубЧК комендант лагеря направил отношение в ГубЧК о возможности перевода всех военнопленных польских офицеров и ксендза и 5 января 1921 г. получил от ГубЧК положительный ответ¹⁷. Однако положение военнопленных офицеров не изменилось. В марте 1921 г. комендант лагеря принудительных работ № 1 указывал на то, что

из-за технических условий невозможно изолировать польских офицеров от солдат, в связи с чем запрашивал Особый отдел о разрешении перевода военнопленных и ксендза в дом принудительных работ и прикрепления их к особому отделу¹⁸. В феврале 1921 г. Польбюро оказывало военнопленным необходимую поддержку, так как их материальное положение было плачевным¹⁹.

Пребывание военнопленных поляков в местных лагерях было временной мерой. Содержание военнопленных в Самарском лагере не было исключением, однако их репатриация на родину затянулась. 5 января 1921 г. по решению центра польских офицеров из Самарского лагеря, часть которых находилась на свободе, срочно надлежало перевести в Тульский концентрационный лагерь, предназначенный для офицерского состава²⁰. Только в июне 1921 г. согласно записке Уполномоченного по делам военнопленных польской армии началась отправка военнопленных поляков в составе 250 человек из Самары²¹. Длительные перерывы в исполнении указаний центра были обусловлены экстремальными событиями 1921 г. В Самарской губернии происходили крестьянские выступления, на фоне общего разорения разразился транспортный коллапс. Все это затрудняло оперативное исполнение эвакуации поляков.

В 1921 г. в концентрационном лагере местной ГубЧК находилось шестнадцать поляков (табл. 2). На протяжении 1921 г. в местах заключения находились иностранные граждане. К концу 1921 г. в исправительном доме находились: литовцы – 4; латвийцы – 2; поляки – 24²². Таким образом, число поляков среди других заключенных преувеличилось.

Ситуация острого гражданского противостояния в 1918–1920-х гг. носила глобальный характер, в котором оказались представители не только разных социальных страт и политических объединений, но и национальных групп. Мотивация общественного поведения поляков была различной. Пребывание поляков в местных исправительно-трудовых учреждениях было связано с участием в военных структурах при альтернативном советской власти социально-политическом режиме (КОМУЧе). Принимая во внимание бескомпромиссность политического

Таблица 2

Поименный список заключенных поляков в Самарском концентрационном лагере²³

Субботкевич М. С.	Помашевский А. П.
Вашак С. Т.	Стрицкий А. Ф.
Добышевский Л. К.	Ивашкевич Б. В.
Галинский И. И.	Клепацкий К. М.
Садовский Я. В.	Сук К. К.
Чарновский В. К.	Ежовский В. И.
Ханьяш С. А.	Шустер А. К.
Перескевич И. И.	Энглендер М. М. (Варшава, еврей)

курса партийно-советской власти, оно квалифицировалось как «контрреволюционное» и подлежало пресечению. Его формы были вариативны – от арестов до применения высшей меры наказания. Большинство поляков в составе заключенных местных пенитенциарных структур составляли категорию военнопленных Советско-польской войны, захваченных в ходе контрнаступления Красной армии весной – летом 1920 г. На местном уровне власти обустроивали режим их содержания в соответствии с установленным центром порядком, но военно-революционные условия разрухи не позволяли достичь их выполнения в полной мере.

Примечания

- ¹ Интернационалисты : участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России, 1917–1920 гг. / [Ю. Н. Щербаков, А. Я. Манусевич, А. Х. Клеванский и др.] ; отв. ред. А. Я. Манусевич. М. : Наука, 1987 ; *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М. : Наука, 1965 ; *Щербаков Ю. Н.* Участие иностранных коммунистов в борьбе за Советскую власть в Среднем Поволжье в 1918–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1962.
- ² *Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С.* Польский плен : военнопленные Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М. : Родина-медиа, 2011. С. 4–13.
- ³ *Оплаканская Р. В.* Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 384 ; Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы) : документы и материалы. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2004 (далее – Польские военнопленные...) ; *Райский Н. С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М. : Ин-т рос. истории, 1999.
- ⁴ *Кобелева Е. А.* Место и роль ЧК в процессе становления советского государства. 1918 – начало 1922 гг. (на материалах Пермского Прикамья) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. С. 166 и др.
- ⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 136. Л. 19, 22–22 об.
- ⁶ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2 с. Д. 1. Л. 99.
- ⁷ Коммуна. 1919. 10 января. № 26.
- ⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ⁹ Там же. Л. 5–5 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 5–6.
- ¹¹ Польские военнопленные... С. 79–80, 180–182, 200–201, 203–205.
- ¹² Там же. С. 99–101.
- ¹³ Там же. С. 197–198.
- ¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 10. Л. 19–19 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 38–38 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁷ Там же. Л. 15.
- ¹⁸ Там же. Л. 14.
- ¹⁹ Польские военнопленные... С. 277.
- ²⁰ Там же. С. 234–235.
- ²¹ Там же. С. 335–336.
- ²² Там же. Д. 251. Л. 57–57 об.
- ²³ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп. 2. Д. 334. Л. 245.

Образец для цитирования:

Мистрюгов П. А. Поляки – заключенные и военнопленные в 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 530–534. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-530-534.

Cite this article as:

Mistryugov P. A. The Poles – Convicts and Pows in 1918–1921 (Based on the Archives of Samara Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 530–534 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-530-534.